

ДОМ образ жизни

История, найденная в домах

Москва и Санкт-Петербург — две российские столицы, оставившие след в современной российской архитектуре. По просьбе „Ъ-Дома“ редактор The Village **Юлия Рузманова** пообщалась с теми, кто имеет отношение к памятникам архитектуры, которые стали визитными карточками этих городов.

Дом Наркомфина должен был служить идее коммунизма и помочь перестройке быта советского человека

ОБЪЕКТ:
ДОМ НАРКОМФИНА

АДРЕС:
МОСКВА, НОВИНСКИЙ БУЛЬВАР, ДОМ 25, КОРПУС 1

ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА:
1928–1930 ГОДЫ

Построенный на Новинском бульваре в 30-е годы прошлого века Дом народного комиссариата финансов РСФСР (Дом Наркомфина) — один из наиболее известных объектов московского конструктивизма. Известен он в том числе тем, что уже трижды включался в список 100 главных зданий мира, которым грозит уничтожение: в течение многих лет никто не брался за реконструкцию памятника архитектуры местного значения.

Проблема необходимости реставрации была поставлена еще в 1980-е Владимиром Гинзбургом — сыном Моисея Гинзбурга, известного советского архитектора и автора здания, который спроектировал Дом Наркомфина вместе с Игнатием Милинисом. Но процесс не шел в том числе из-за отношения к дому городских властей: известно, что прежний столичный мэр Юрий Лужков считал себя идейным противником советского авангарда, называя архитектуру этого стиля вредной. Только летом 2017 года в Доме Наркомфина началась реставрация. Она идет под руководством уже внука автора здания Алексея Гинзбурга.

Задумка архитектора

Дом Наркомфина, как и многое, что создавалось в начале прошлого века, должен был служить идее коммунизма и помочь перестройке быта советского человека. Однако здание не стало очередной коммунальной, которые были популярны в 1920-е годы. В своей книге «Жильище» Моисей Гинзбург критиковал идею коммуны и объяснял принципиальную разницу между Домом Наркомфина и домом-коммуной.

Гинзбург и Милинис решили сделать жилой дом переходного типа — от буржуазного общества к социалистическому. Поэтому здесь, с одной стороны, были квартиры с индивидуальным бытом, своими мини-кухнями, с другой — здание подчинялось идее полномасштабного обслуживания современного человека и создания для его гармоничной, полноценной жизни разнообразной типологии общественных пространств — как сервисных, так и социально значимых. Например, в проекте дома были предусмотрены прачечная, детский сад, кафетерий, и это должно было освободить быт женщины, позволить людям работать и не тратить время на домашнее хозяйство.

«Солярий, открытый первый этаж, продолжающий парк, спортивный зал и другие общественные помещения должны были создать среду, в которой люди могут проводить свое время. Инфраструктура дома была нацелена на полноценное развитие и жизнь советского человека в этом доме», — рассказывает Алексей Гинзбург.

Авторы проекта скомпоновали жилые ячейки в единый корпус настолько необычно, что их оценил даже пионер архитектурного модернизма Ле Корбюзье, посетивший здесь квартиру русского революционера и народного комиссара финан-

сов Николая Миллотина, который также был теоретиком градостроительства, хотя и был дилетантом.

Именно Миллотин стал заказчиком и задал функциональные характеристики будущего здания. Общась с конструктивистами, лидером которых был Моисей Гинзбург, чиновник заинтересовался градостроительством и впоследствии написал книгу «Соцгород». В ней он интерпретировал многие идеи правильного расселения людей — тематика тогда активно обсуждалась в среде архитекторов (в частности, в «Соцгороде» было видно влияние проекта линейного города архитектора Ивана Леонидова). Возможно, именно благодаря склонности к прожектерству чиновника Москва получила такой небанальный объект, как Дом Наркомфина. Кстати, собственную жилую ячейку Миллотин спроектировал сам — уже в наши дни здесь находилась кальянная, которую затем сменил офис.

Проект здания предполагал изолированные квартиры на 50 семей (примерно 200 человек). Жилой корпус Дома Наркомфина включал двухэтажные квартиры — они сохранились. Квартиры по задумке архитектора делились на три типа — F, 2F и K. Первый тип — ячейки площадью 37 кв. м для проживания максимум двух человек с гостиной на первом этаже и спальня и санузел на второй. Ячейки типа 2F (двоенный вариант квартир F) размещены в обоих концах здания. K — это восемь квартир площадью под 90 кв. м, в них есть коридор, кухонный уголок и гостиная на первом этаже, а на втором — две спальни и ванная с туалетом. Под крышей здания находились комнаты по типу общештатной безличной санузла.

Будущий памятник конструктивизма заселялся практически в одно время с Домом на набережной (жилой дом, построенный в 1931 году на Берсеневской набережной). Позже, как известно, большую часть жителей обоих домов репрессировали. Таким образом, рассуждения государства о новом счастливым быте советского гражданина закончились для многих жильцов ямой на Донском кладбище либо на расстрельном полигоне в Коммунарке.

Поняв, что в Доме Наркомфина заселились сотрудники Наркомата финансов, художники, писатели и сам архитектор со своей семьей — это был дом культурной элиты своего времени. Первое десятилетие, до конца 1930-х годов, здание функционировало так, как было задумано Гинзбургом. Единственное отличие от проекта было в том, что планировавшийся в центре двора детский сад перенесли в коммунальный корпус на место спортивного зала.

Основные изменения стали вноситься уже после Большого террора и войны. Состав жителей в доме тогда поменялся. Новые жильцы застроили первый этаж и стали оборудовать коммунальные квартиры в ячейках. Это уводило здание все дальше от тех идей правильной организации жилья и быта людей, которые разрабатывал Гинзбург. Иде-то в конце 1970-х годов дом начал ветшать и постепенно пришел в очень плохое состояние. Почти за 80 лет в нем не проводилось ни одного капитального ремонта.

Йога на крыше и вид на парк

Долгое время у москвичей было сложное отношение к советскому архитектурному наследию в целом и кон-

структивизму в частности. Но в последние пять лет ситуация изменилась. Это заметил и Алексей Гинзбург: «Только сейчас общественное внимание смогло абсолютно неожиданно влиять на судьбу дома, а инвесторы обратили на него свое внимание».

В Доме Наркомфина все чаще стали проходить экскурсии, причем теперь не только для иностранцев. В итоге, как говорит внук архитектора, «кто-то согласился вложить деньги, кто-то — силы», хотя за 30 лет неудачных попыток он разуверился в том, что завершит семейное дело.

Последние годы дом пользовался спросом в основном у представителей творческих профессий — дизайнеров, урбанистов и архитекторов. На крыше была открыта студия йоги, а одну из комнат занимал лектор проекта «Москва глазами инженера». Аренда ячейки до ремонта здесь обходилась примерно в 50 тыс. руб. в месяц.

По словам архитектора Анны Лоцциловой, которая прожила здесь до реконструкции четыре года, состояние дома при заезде «было, прямо скажем, среднее», ей пришлось самостоятельно менять трубы. Однако неоспоримые плюсы здания — вид на деловой центр «Москва-Сити», гостиницу «Украина», высоту на Баррикадной и гигантские деревья под окном.

В связи с начавшейся летом 2017 года реставрацией все жильцы и офисные работники были вынуждены покинуть дом. Про выселение слухи ходили давно, поэтому ни для кого из жильцов это не стало неожиданностью. Заново заселяться сюда станет можно не раньше конца 2019 года. Реставрационные работы здесь будут идти в несколько этапов. Сейчас, по словам Алексея Гинзбурга, происходит расчистка здания от поздних пристроек и дополнительно исследуется его поздняя структура.

Как поясняет архитектор, основной особенностью Дома Наркомфина является устройство жилых ячеек. Другой, не менее важной — организация пространства и функциональное значение помещений: люди, живущие в доме, должны пользоваться всеми благами того быта и тех удобств, которые предоставляет современная цивилизация.

«Нам сейчас кажется естественным все то, что в этом доме было предусмотрено, но для своего времени это был революционный подход. Сейчас дом не утратил своей актуальности, и люди, которые заселятся после реставрации, будут жить в современном доме, не просто в памятнике архитектуры. В этом доме нет почти ни одного случайного элемента. Все мелочи, которые продумывались авторами, были подчинены конкретным задачам и целям. Они должны были служить определенным функциональным требованиям. Это касалось и сдвижных окон, которые специально разрабатывались для этого дома, и всех нюансов устройства инженерных коммуникаций, и, безусловно, цветового решения квартир», — комментирует Алексей Гинзбург.

Жизнь после реставрации

Одной из задач, которую поставил себе внук архитектора Дома Наркомфина, стало полное восстановление изначального цвета ячеек, который был разным во всех квартирах: на цветное решение Моисей Гинзбург распространил тот же функциональный подход, что и ко всему зданию.

Квартиры дома Полежаева, выходящие окнами на улицу, предназначались для купцов первой гильдии

Он даже написал статью для журнала «Современная архитектура», редактором которого был, о влиянии цвета на человека и важности с его помощью создать гармоничную среду. Именно поэтому Гинзбург пригласил одного из художников немецкой школы «Баухаус» профессора Хиннерка Шепера принять участие в составлении цветовой таблицы для проекта. Гинзбург и Шепер пришли к выводу, что холодные цвета визуально расширяют пространство, а теплые, наоборот, сужают. В итоге здание оформили в смешанной цветовой схеме.

«В тех экспериментах для дома были разработаны теплые и холодные гаммы: богатые теплые оттенки с западной стороны, где садилось полуденное солнце, и более спокойные холодные оттенки с восточной стороны, где размещались спальни. Потолки планировалось красить в более плотные тона, стены — в более легкие. Это делалось, чтобы зрительно расширять пространство», — рассказывает Алексей Гинзбург.

Финальный этап подразумевал благоустройство территории вокруг дома — здание, где была прачечная, тоже подвергнется реставрации. Использовать это здание по его первоначальному назначению не предполагается: скорее всего, по словам Алексея Гинзбурга, там сделают какое-то общественное заведение, «чтобы оно представляло дух архитектуры авангарда» и при этом посещалось людьми, например кафе.

ОБЪЕКТ:
ДОМ КУПЦА ПОЛЕЖАЕВА

АДРЕС:
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, СТАРОРУССКАЯ УЛИЦА, 5

ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА:
1913–1915 ГОДЫ

Доходному дому купца Полежаева, что находится на пересечении Старорусской и Новгородской улиц в Санкт-Петербурге, уже больше века. Хрестоматийный образец архитектуры модерна, похожий на необычную крепость, был возведен накануне Октябрьской революции и стал одним из крупнейших в городе жилых комплексов с собственной инфраструктурой.

Модерн с замыслом

Модернизм считали, что необходимо создать принципиально новую архитектуру, разорвав со стилями прошлого. Но на практике зодчие-модернисты, пытаясь сделать свои дома узнаваемыми и яркими, охотно сплавляли в своих объектах наработки модерна с мотивами исторических стилей, перерабатывая их и осовременивая. Именно в этом смысле дом Полежаева можно назвать каноничным образцом модернизма. В планировке, конструкциях и материалах здание полностью тяготеет к модерну, но обликом напоминает средневековый замок. На это впечатление работают башенки с высокими кровлями, узкие окна-стрельницы и собственно размеры дома.

Здание находится в центре города недалеко от Московского вокзала, так что с транспортом здесь проблем нет, к тому же из окон открывается прекрасный вид на Неву. Этот исторический район раньше назывался Пески. В начале прошлого века

здесь появилась промышленная зона с хлебозаводом, ликероводочным заводом и одной из старейших в России электростанций (сейчас это Центральная ТЭЦ). Тогда же место облюбовали купцы, и тут стали строить доходные дома.

Дом купца Полежаева спроектировался архитектором Иваном Яковлевым с таким расчетом, что его заселят обеспеченные жильцы, поэтому отдельные квартиры здесь имели площадь больше 100 кв. м. Квартиры, выходящие окнами на улицу, предназначались для купцов первой гильдии, к которым и относился заказчик проекта хлеботорговца Полежаева. В задней части дома — квартиры для купцов средней руки. Также здесь были квартиры для инженеров — тоже просторные и с хорошей планировкой, но поскупнее, чем стометровые.

Первые жильцы

Среди первых жильцов этого дома числился, например, Кирилл Павлович Бутусов, представитель знаменитой футбольной семьи, старший из братьев Бутусовых. В предреволюционные годы, когда дом Полежаева только заземлялся, Бутусов состоял товарищем (заместителем) председателя Петроградской футбольной лиги, председателем своего спортивного клуба «Юнитас», казначеем Российского олимпийского комитета и Петроградской хоккейной лиги. А еще, говорят, здесь жили прислуга купца Полежаева.

После революции с памятником модернизма произошло то же, что и с большинством петербургских доходных домов: квартиры превратились в коммуналки — здесь они были особенно большими, насчитывая до 20 комнат. А на первых уровнях семизэтажного здания размещались поликлиники и филиалы учебных заведений.

Перед зданием — своего рода площадь, предоставляющая возможность рассматривать фасады издалека. Они покрыты облицовочным кирпичом белого и малинового цветов и щедро украшены лепниной. Над окнами четвертого этажа виден закомный вентиль «К. А.», не совпадающий с инициалами ни заказчика дома (М. Н.), ни архитектора (И. И.). Первый этаж украшен стилизованными ионическими пилястрами и полуколоннами. Ионические колонны можно увидеть и на мансардном этаже здания. Угловые части здания на входе украшены комбинацией пицци с квадратной башенкой-эркером. Еще один шипец расположен в центре фасада по Старорусской улице. Балконы подним поддерживаются двумя парами атлантов и кариадид в ренессансных одеждах.

Без капитального ремонта

«Современность, новаторство дома для начала XX века, когда он строился, заключается в создании открытого двора-курдонера, способствовавшего хорошему проветриванию и освещенности квартир: тогда стремление к гигиеничности жилья было популярно», — рассказывает Александр Чепель, кандидат исторических наук, краевед и член совета СПбГО ВООПИиК.

Разумеется, в доме применялись все тогдашние технические новинки: лифты, новые материалы для конструкции и отделки. А вместо печек здесь была своя котельная, но после Великой Отечественной войны ее разобрали, и здание подключили к центральной теплотсе.

За все время его существования в доме купца Полежаева ни разу не проводился капитальный ремонт, поэтому одно из красивейших зданий Петербурга попросту разрушается. Трудно сказать, почему дом в течение столетия избегал ремонтных работ. По мнению Александра Чепеля, свою роль могли сыграть прочность конструкций (ведь угрозы разрушения не было) и возможность превратить большие барские квартиры в коммуналки без существенных перепланировок.

Те, кто въехал в здание в начале 2000-х годов, рассказывают, что тут не было ни холодной, ни горячей воды, ни ванн, поэтому приходилось ездить в Мытищинские бани или к родственникам. С водой здесь проблемы до сих пор: она еле поднимается на седьмой этаж, утром и вечером напор очень слабый, а горячей часто вообще нет. Коммунальные платежи, правда, небольшие, но управляющая компания решает проблемы жильцов только после звонка по номеру 112. При этом аренда квартир здесь не самая дешевая для Петербурга: «трешка» стоит примерно 55 тыс. руб. в месяц, комната в коммуналке — 11 тыс. руб. Но за красоту дома многие арендаторы готовы мириться с неудобствами. Однако старые жильцы говорят, что мечтают съехать из этих коммуналок.

Кино и Воланд

Как рассказывают местные жители, сейчас в этом доме постоянно меняются жильцы и часто можно видеть «малосимпатичных, склонных к алкоголизму людей», а в конце 1990-х годов «бомжи здесь лежали на всех этажах». Одна из легенд гласит, что в этом доме раньше работал публичный дом. Сейчас здесь помимо 86 коммуналок и 72 отдельных квартир находится поликлиника, hostel и парикмахерская, куда, по словам местных жителей, похоже, никто не ходит, да «пара плохих магазинов».

Несмотря на все это, дом до сих пор воспринимается как местная достопримечательность. В 2001 году здание вошло в перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. Именно дом купца Полежаева «сыграл роль» дома 302-БИС по Большой Садовой улице в Москве, где жил Воланд со своей свитой в сериале Владимира Бортко по книге «Мастер и Маргарита». На время съемок на здании поменяли вывеску, а во дворе на трансформаторную будку прикрепили щит с надписью «Москва, 1932 год».

Кроме того, дом купца Полежаева был запечатлен в популярном сериале 2000-х годов «Бандитский Петербург». По рассказам местных, кино здесь снимают часто, съемочные группы то и дело мешают жильцам.

В здании находится мастерская художницы Ксении Никольской «Арт-Пространство. Полежаев», в которой иногда выставляются работы ее друзей из художественной среды. В основном это проекты, посвященные городу и его окрестностям. И за выставки здесь денег не берут. По словам Ксении Никольской, это делается еще и для того, чтобы улучшить атмосферу в доме и привлечь творческую молодежь. Однако Ксения признает, что сделать это не так просто: «Если сами жильцы выбрасывают мусор на лестницу, то, как бы часто мы с друзьями за ними ни убирали, порядок здесь не будет. Разруха, как известно, в головах».